

панним"). Такая зеркально-перевернутая модель молодежных бунтарей минувшего века неоднократно использовалась в первую очередь "партиями порядка", различными по лозунгам и близкими по способам действия. Нетрудно заметить, что к таким феноменам относятся и недавно появившиеся "идушие вместе".

По известной характеристике М.Мид, современная цивилизация "проспективна", обращена к будущему, поэтому в ней старшие поколения как бы учатся у младших. Последнее соображение, видимо, нуждается в определенных оговорках. Старшие, а собственно, и все "учатся", а точнее, пожалуй, "заражаются" от молодых (все менее многочисленных, но все дольше и, по-видимому, сильнее действующих на общество) некоторыми элементами стиля поведения, речи, моды и т.п., может быть, и своего рода "энергетикой" действия, но преимущественно *игрового* действия. Во "взрослый" мир из подросткового перешли спорт, в том числе "зрительский", туризм, "игровой" секс и т.п. Когда-то приходилось писать, что, играя с детьми, взрослые в то же время "играют в детей". Признавая молодежную субкультуру (мир "продленного детства"), любясь ею или даже негодуя по ее поводу, мы как бы играем в подростков. Конечно, в нормальном состоянии взрослые не становятся ни детьми, ни подростками, но лишь выстраивают параллельный, игровой мир наряду с "серьезным" миром работы, семьи, социальной ответственности и обязанностей.

Соотношение этих миров далеко не стабильно. Сугубо игровая спортивно-зрительская горячка довольно давно получила весомые экономические связи (тотализатор, реклама), а в последнее время приобрела способность "запускать" механизм массовой и даже межгосударственной социально-политической истерии. Недавний пример — мобилизация "патриотических" страстей в России вокруг зимних Олимпийских игр 2002 г., имитирующая худшие образцы "холодной войны"*.

Дело вовсе не в массовом интересе к содержанию каких-то соревнований или судебским оценкам. Околоспортивные (зрительские) страсти, как оказывается вновь, с легкостью укладываются в русло агрессивного-обиженного противостояния "чужим", "Западу", "заговору" и пр. Все эти психологические модели, отработавшие свое в советскую эпоху (кто не помнит установку типа: "Эй, вратарь, готовься к бою..." и т.д.), очевидно, сохраняют свою "боеготовность".

Вот почему никакие, сколь угодно обстоятельные, данные о настроениях, ценностях, установках сегодняшних молодых людей не могут приоткрыть нам картину "завтрашнего" общества, если остается неясным, в какие социальные рамки выльются интересы и энергия молодых. Иными словами, дело не столько во взрослении сегодняшних *молодых*, а во "взрослении", формировании институциональной зрелости *общества*. Претенциозно-пошлые лозунги типа "молодежь — наше будущее" фальшивы. На деле "наше" (общества) будущее — это то, что социальные институты и обстоятельства сделают с *бывшими молодыми*. Только в условиях развитого, социально "зрелого" общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место "взрослым" формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают "старческие" воспроизведения той же "подростковой" наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях.

* Согласно одному из исследований ВЦИОМ (февраль 2002 г.), 75% опрошенных — без заметных отличий по возрасту и уровню образования! — интересовались не мастерством атлетов, а только успехами российской команды.

Борис ДУБИН

Поколение: социологические границы понятия*

В последнее десятилетие проблематика поколения, смены поколений и межпоколенческой трансляции ценностей, установок, опыта не раз привлекала внимание отечественных социологов и историков**. К ней обращались и исследователи ВЦИОМ***. Ряд социологических и исторических работ европейских специалистов появился в недавнее время в русском переводе****. По-моему, имеет смысл обобщить и накопленные эмпирические разработки, и предложенные концептуальные подходы. Я буду рассматривать понятие "поколение" лишь в нескольких специальных планах: социокультурный контекст возникновения понятия в его современных *смыслах*; основные вехи в истории исследований "проблемы поколения"; смысловая структура понятия в его эмпирическом употреблении и проблематизации исследователями; проблема поколения в российском, но прежде всего в советском и постсоветском обществах. В качестве концептуально исходной я держу в уме типологическую ситуацию "современного" социума или, иначе говоря, полной структуры общества, когда среди прочих и понятие "поколение" проявлено во всей его смысловой полноте, различиях, сопряженности, взаимоналожении в нем разных функциональных планов. Исходным же в эмпирическом плане я мысленно полагаю наиболее молодое и наиболее проблематичное сегодняшнее "поколение-один" (условно говоря, рос-

* В основе статьи — доклад на семинаре по проблеме поколений в российской истории XX века под руководством Теодора Шанина (Московская высшая школа социальных и экономических наук, февраль 2002 г.). После обсуждения текст доработан с учетом замечаний Л.Д.Гудкова, В.П.Данилова, Ю.А.Левады, Т.Шанина, В.А.Ядова.

** Коровицкая Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы во второй половине XX века. М., 1999; Савельева И.М., Полетаев А.В. Смена поколений // Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. М., 1997. С. 360-371; Семенова В.С. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: Трансформирующееся общество. М., 2001. С. 256-271; Чудакова М. Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 73-91.

*** Дубин Б. Старшие и младшие: Три поколения на переходе // Дружба народов. 1994. № 2. С. 159-170; Он же. Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: Межпоколенческая репродукция и разрыв поколений // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. С. 12-16; Он же. О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 237-247; Он же. Дети трех поколений // Экономические и социальные перемены... 1995. № 4. С. 31-33; Он же. К вопросу о поколенческих и региональных параметрах социокультурных перемен // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 327-334; Он же. Жизнь по привычке: Быть пожилым в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 18-27; Левада Ю.А. Три "поколения перестройки" // Экономические и социальные перемены... 1995. № 3. С. 7-10; Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения... 2001. № 5. С. 7-14; Седов Л. Проблема смены политических элит: Поколение "next" // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 3. С. 22-25.

**** Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: Трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 1/2. С. 106-122; Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7-47 (текст 1928 г.); Он же. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 48-72; Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 3-7; Он же. Вокруг Галилея // Он же. Избр. труды. М., 1997. С. 251-294.

сияне моложе 30 лет), которое условно олицетворяет для меня переход от нынешнего дня к завтрашнему и по отношению к которому я столь же условно отсчитываю в уме поколения "старших" (средних) и "старых" (пожилого); оставляю пока что в стороне, до какой степени сами действующие лица именно так размечают и опознают ситуацию.

К понятию "поколение". В самом первом приближении и в самом общем смысле поколение можно представить как форму (тип) *социальной связи* и фокус *символической солидарности*: это нормативная рамка воображаемого соотношения с другими "по горизонтали" — такими же, как "ты". Уже здесь видно, что в категории и в языке "поколений" соединяются:

— представление о границах одного поколения (фиксация общей для него нормы социального и культурного, значимого опыта, типовых реакций и пр., включая общие символы и символические фигуры, объединяющие поколение, точнее, несколько соседних поколений, см. об этом ниже);

— "точка" и способы перехода от *поколения к поколению* (фиксация устойчивости передаваемых образцов, но едва ли не прежде всего смены норм, в том числе перелома и общего обвала нормативных систем, т.е. сбой самого *механизма* трансмиссии).

Тем самым поколение выступает внутрикультурной формой, а потом и собственно исследовательской конструкцией, в которой социальные сходства и различия (нормативные параметры взаимодействия — структуры идентификации, типы ориентации, отношения господства, власти, влияния) редуцируются посредством их перевода на язык до-модерных, традиционализирующих, партикулярных отношений родства и семьи — старших-младших и/или равных по возрасту. Так и социология на начальных этапах ее становления (например, в "Курсе позитивной философии" О.Конта) концептуализировала традиционное представление о "возрастах жизни"^{1*} — циклах и ритмах периодической смены людских потоков. Иначе говоря, "поколение" в околонуачном и публицистическом языке, в интеллигентской речи становится эталоном (мерой) простого и общепонятного социального сопоставления (сравнения). С его помощью отмечают, с одной стороны, выделившихся и оставших на фоне одного поколения *сверстников*, а с другой — перепады между старшими и младшими *современниками* ("давно и недавно", "раньше и теперь"). Х.Ортега-и-Гассет применительно к сверстникам пользуется термином "поколение", применительно к современникам — обозначением "эпоха"^{2*}. В России члены Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), в частности Виктор Шкловский, предлагали, кроме того, различать "синхронистов", лишь "попавших" или "заброшенных" в одно время, и "современников", считающих отведенный им отрезок времени "своим", — Х.Ортега-и-Гассет в этом последнем смысле говорит о людях, "олицетворяющих зрелость своей эпохи"^{3*}.

В историко-социологическом плане "поколение" (как и обозначение "молодежь" или чуть позднее "интеллигенция") представляет собой, насколько можно судить, категорию языка позднего, смещенного во времени перехода от сословно-иерархического порядка к достижительскому, мобильному обществу, когда этот процесс происходит практически одновременно (или по крайней мере, в большой хронологической близости) с процессом построения национального государства, задачами формирования его элит, выработки общего символического наследия и меха-

низмов его передачи и т.д. Иными словами, речь идет о процессе запоздалой **модернизации**^{1*}. Именно поэтому на подобном переходе **проблематизируются** и фиксируются особые возрастные группы **национального** сообщества, молодежи как воплощения национального "духа", энергии сдвигов и пр. (таковы всевозможные общества и кружки типа "Молодая Германия", возникшие в ходе и после наполеоновских войн, французской революции 1830 г.: "Молодая Ирландия", Италия, Польша (1830-1840-е годы), Россия (1860-е), затем Китай (начало XX в.); таковы же группы и движения **младоафганцев**, бухарцев, латышей, турок, финнов, чехов в конце XIX — начале XX в., еще позднее — **младоалжирцы** и т.п.). Поколение при этом предназначено олицетворять единство нации (а в ряде случаев, например, в Германии — символизировать национальное объединение) и понимается как **активное** поколение — те, кто считают себя призванными изменить социокультурную реальность и нередко напрямую связывают свое определение, перспективу, судьбу с тем или иным событием, которое символически обозначает или обещает для них общий сдвиг, "требуя" от них собственного ответа, действия, самостоятельного шага. Здесь в семантической конструкции понятия соединяются:

— значения разнокачественности, разноуровневости (намечающие вектор динамики, проект или след движения);

— семантика природности (вводящая общий модуль, структуру родового времени как эталон для сравнения).

Иными словами, можно говорить о метафоре поколения в языке социальных наук и наук о культуре (истории, социологии, филологии и т.д.), о поколении как метафоре, разбирая далее ее конструкцию, функциональную семантику элементов, модальные формы их связи и пр.

Семантика понятия и исторический контекст ее трансформаций. В постановке и изучении "проблемы поколений" в Европе выделяются 1860-1870 гг. и 1910-1920 гг. В этот последний период и вышли наиболее известные работы К.Мангейма и Х.Ортеги-и-Гассета (обе — 1928 г.). Новый толчок работе уже 1970-х годов дали майские события 1968 г. в Европе и США, когда был зафиксирован межпоколенческий разрыв (Маргарет Мид и др.)^{2*}. Известны попытки исследовать поколенческие модели социальной адаптации на примере иммигрантов (Ф.Боас, Ш.Н.Айзенштадт^{3*}). Поколенческая проблематика разрабатывалась в связи с исследованиями молодежи, с проблемами культурной трансмиссии и соотносительными ролями в ней "отцов и детей" (Э.Щпрангер, Л. фон Визе). Активно изучались литературные поколения, поколения в искусстве (Э.Р.Курциус, В.Пиндер, А.Пейр^{4*}).

Обобщая эту исследовательскую работу, можно выделить несколько смысловых планов категории "поколение" в ее внутрикультурном употреблении/понимании (исторической семантике) и в языке исследователей (историков, социологов, филологов):

— поколение как рамка идентификации действующих субъектов, набор их ориентации, структура опыта;

— нормативные циклы смены человеческого материала — занятия основных социальных позиций (кроме "номенклатурных"); точнее, это всегда несколько рамок,

1* "Нормальная" модернизация проходила в условиях уже сформировавшихся национальных государств, так что обслуживающие их кадры сложились до начала процессов индустриализации и пр., а не приняли на себя тяжесть социальной ломки.

2* Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. L., 1970.

3* Eisenstadt S.N. From Generation to Generation. Glencoe (Ill.), 1956.

4* См., например: Peyre H. Les generations littéraires. P., 1948.

1* *Арбес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 26-43.

2* См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Вокруг Галилея. С. 260-261.

3* Там же. С. 259.

часть которых — старших и старых — действующие субъекты всегда застают уже готовыми^{1*};

— норма социальной реализации (границы ее пространства, "пол" и "потолок"); параметры адаптации к наличному окружению, сложившемуся до и вне индивидуального субъекта действия (формам господства, структурам социальной стратификации, другим поколениям), словами Х.Ортеги-и-Гассета: "...Главное в жизни поколений отнюдь не то, что они сменяют друг друга; главное — их взаимопересечение, перехлест"^{2*};

— собственно "проблема поколения" как результат и осмысление его недореализованности, затруднений и сбоев в культурной реализации, социальном продвижении; разрыв между выделенными и остальными; напряжения в системах мобильности и признания, указывающие на институциональные и гратификационные дефициты общества;

— проблема потерянных поколений ("манкуртов", "големов" без прошлого — отечественная "безотцовщина" 1930-х и 1940-х годов рождения, на которую указывает в приведенной выше статье М.О.Чудакова — и без будущего, о чем и говорила Гертруда Стайн в своей известной реплике Хемингуэю: "пропащие", потерявшие смысл и лишь воспроизводящие то, чему их научили "старшие братья" или чего они нахватались); обозначения типа "новые..." или "молодые..." представляет собой попытку ввести простейший, чисто "указательный", символический механизм проблематизации разрывов и вместе с тем их хотя бы какой-то компенсации, связывания^{3*};

— поколения элиты (культурной, экономической, политической) и массы как продукта работы "больших" массовых институтов, одного призыва и т.п.^{4*};

— "именные" поколения, поколения "свидетелей" крупномасштабного перелома, общего срыва большинства рутинных механизмов социального порядка, систем его поддержания и воспроизводства — и социальных, и культурных (моральных)^{5*}.

В европейской и шире — в западной истории поколений как понятие было проблематизировано в эгалитаристском, антиаскриптивном (антигенеалогическом, антидинастическом) контексте революций XVIII в. и связано с утопическими представлениями о "новом человеке", новом человечестве, новом народе и т.п. Показательно, что возникновение проблемы и проблематического поня-

тия "поколения" возникает в обстоятельствах рождения идеологий — с началом "века идеологий". В этом смысле оно несет в себе, в частности, в представлении о "переломе времен", структурно-смысловые следы ценностно-нагруженного, идеологического понятия, т.е. содержит *волю-таристский* компонент (значение противостояния "другим" и "миру", борьбы и подчинения окружающего своей коллективной воле) и *сальвационистский* компонент (значение спасения, по логике "было старое — стало новое", "было греховное — станет священное", "было проклятое — станет спасенное" и т.п.: "От нас одних зависит подчинить мир нашей воле", — пишет Новалис).

Так, по Проекту национального образования, составленному Рабо Сент-Этьенном (1792), "нужно, обязательно нужно обновить нынешнее поколение, создавая в то же время поколение грядущее, нужно превратить французов в новый народ"^{1*}. Парадигматическая фигура здесь, например, Марат, который на упрек в незнатности его предков отвечал: "Я сам предок". Функциональный смысл понятия виделся тогда в том, что ни одно из поколений не превосходит другое и не имеет прав и преимуществ над ним (Декларация прав человека, 1793: "Ни одно поколение не имеет права подчинять своим законам будущие поколения"; Джефферсон: "Каждое поколение можно рассматривать как отдельный народ... прав на следующее поколение у него не больше, чем на жителей другой страны"; Томас Пейн: "Все поколения обладают равными правами..." и т.п.^{2*}). Логика здесь та же, что в переходе от иерархии сословий к динамике групп и классов общества, от "единственного правильного" вкуса к различным и конфликтующим вкусам и т.п. — логика перехода от традиционного общества к современной эпохе и буржуазному, дифференцирующемуся, динамичному обществу.

За пределами института семьи и форм традиционного общества понятие "поколение" то выступает в значении общества как течения, движения (романтическое поколение, поколение 1914 г., поколение 1968 г. и т.п.), то представляет хронологический (синхронный) срез работы массовых институтов — школы, армии, производства, включая отставку и выход на пенсию. Это примерно соответствует *внутрисемейным, историческим и институциональным* поколениям, которые выделяет Клодина Аттас-Донфю^{3*} и близко к разделению *демографических и исторических* (значимых) поколений у Ю.А.Левады^{4*}. Я предполагаю (и здесь — один из центральных пунктов статьи), что понятие "поколение" и существует в этом семантическом поле напряжений — напряжений между представлениями о *традиционно-иерархическом* (его образ — семья), *модерном* ("общество" и элита, активные группы как его воплощение) и *постмодерном* (масса как продукт деятельности анонимных всеобщих институтов) обществе. В свернутом виде понятие "поколение" фиксирует соответствующие точки разлома социального и культурного порядков, направления и механизмы опосредования и перехода между "прежним" и "новым". То же можно показать на "внутренних" напряжениях действия, фиксируя эти напряжения на аналитических осях "достижения/воспроизводства" или "ориентации/идентификации".

Поколения и проблема поколений в современной России. Наша ситуация — российская, но прежде всего советская и постсоветская. Характерно появление темы и символов молодежи, молодежной субкультуры и пр. на первом

^{1*} См., например: *Attias-Donfut Cl. Sociologie des generations: L'empreinte du temps*. P., 1988; *Chauvel L. Le destin des générations*. P.: PUF, 1998; *Drouin V. Enquêtes sur les generations et la politique*. P., 1995; *Niemi R., Jennings M. Generations and Politics: A Panel Study of Young Adults and Their Parents*. Princeton, 1981.

^{2*} *Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея*. С. 274.

^{3*} Применительно к собственному поколению родившихся в начале XX в. о близких проблемах писала Лидия Гинзбург. См.: *Гинзбург Л.Я. Еще раз о старом и новом (Поколение на повороте) // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения*. Рига, 1986. С. 132-140; *Она же. "И заодно с правопорядком..." // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения*. Рига, 1986. С. 218-230. В связи с самоубийствами С.Есенина и В.Маяковского на резкий межпоколенческий разрыв, даже срыв, указывал в свое время Роман Якобсон. Его известная статья "О поколениях, растратившем своих поэтов" отозвалась еще через два поколения (одно из них было частью уничтожено в лагерях, а другое частью выбито на фронтах Отечественной войны) в более позднем манифесте-некрологе: *Седакова О. О погибшем литературном поколении: Памяти Лёны Губанова // Седакова О. Проза*. М., 2001. С. 782-813 (статья 1984 г.).

^{4*} См. одно из ранних таких исследований: *Mentré F. Les generations sociales*. P., 1920.

^{5*} См., например: *Caron J.-C. Generations romantiques: Les étudiants de Paris et le quartier Latin (1814-1851)*. P., 1991; *Spitzer A.B. The French Generation of 1820*. Princeton, 1987; *Wohl R. The Generation of 1914*. Cambridge (Mass.), 1980; и др.

^{1*} Цит. по: *Бенетон Ф. Введение в политическую науку*. М., 2002. С. 267.

^{2*} Цит. по: *Нора П. Указ. соч.*

^{3*} *Attias-Donfut Cl. Rapports des generations. Transferts intrafamiliaux et dynamique macrosociale // Revue française de sociologie*. 2000. Vol. 41. N 4. P. 644-646.

^{4*} *Левада Ю.А. Поколения XX века*. С. 7.

этапе перестройки, прежде всего в форме визуальной репрезентации массмедиа, в кино, на ТВ, в рок-культуре ("Покаяние", "Легко ли быть молодым", популярнейшая из тогдашних телепередач "Взгляд", ключевой мотив ожидания перемен в песне В.Цоя в фильме С.Соловьева "Асса" и др.). За молодежь в этот период средние, а отчасти и старшие поколения ("шестидесятники") записывали значения дефицитной энергии коренных изменений и в такой возвратно-негативной форме — идею своей ответственности перед будущим ("иначе молодежь потеряем").

Важно, что проблема молодого поколения фиксировалась здесь с точки зрения и в языке другого, старшего; для младших поколений подобная разметка и ее обозначения будут предметом отталкивания. Чтобы стать проблемой, обозначение поколения и должно затронуть как минимум два "соседних" поколения. С помощью подобного назначения того или иного поколения другими, через вменение ему поколенческих определений извне, понятие и выходит за рамки чисто возрастных, социализационных и прочих фазовых феноменов, потому и кратковременных для "младших" или "старших" участников действия, а обозначает характер их взаимодействия, *взаимных* отношений между ними, ставший для *обоих* проблематичным. Вероятно, в отчасти похожем смысле Х.Ортега-и-Гассет отмечал, что "полемика... и есть своеобразная преемственность, обучение, сотрудничество, развитие достигнутого"*.

Видимо, представление о "нормальной" передаче опыта от поколения к поколению сильно идеализирует даже западную ситуацию XIX–XX вв., за исключением разве что поздних фаз развитого общества потребления. В России же, по крайней мере, в России XX в., подобный смещенный, возвратно-негативный тип связи между "старшими" и "младшими" выступает даже не преобладающим, а кажется единственно реальным. Категорией "поколение" и фиксируется разрыв между ними, обрыв смысловой линии, забывание смысла, неполучение опыта — факт, что важные ценности и значения, рамки их упорядочения и осмысления уходят, исчезают из поля зрения, разрушаются.

Поэтому представляется, что, по крайней мере, в России, исследователи поколений или проблемы поколений так или иначе все время имеют дело со "следом" или "симптомом" другой, не упоминаемой проблемы, точнее, узла проблем: 1) лидерства (инновации); 2) его успеха, признания (гратификации); 3) поддержания и передачи достижений (репродукции). Иными словами, речь идет о системных дефицитах советского общества, а может быть, и российского общества эпохи ускоренной модернизации (XIX в. — начала XX в.) — о системе его дефицитов, дефиците как системе. Элита в советском обществе — исключительно позиционная, это элита постов, а значит, корпораций и кланов (ведомственных, территориальных и пр.). Отсюда и формы общепринятой служебной карьеры для классических и позднейших советских времен (отказ от проявлений честолюбия, соревновательности), и ее социальная "цена" (отбор все более средних, эпигонов — эпигонизация как механизм адаптивного движения). Так, "выдвиженцы" 1920-х — начала 1930-х годов явно чувствуют свою временность, осознают себя "заместителями" (см. "Город Градов" Андрея Платонова).

Отказ от продвижения, даже от установки на продвижение, как раз и дает в итоге среди прочего категорию и язык поколения ("своих" — прежде всего по возрасту, но и по другим недостижимым характеристикам — "земляки" и пр.). Навязывание языка поколений или семейных отношений (органически-общего, "для всех") выступает, собственно, культурным механизмом антидифференциации, антиинституционализации. "Обобщенный Другой"

* Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея. С. 269.

вводится в жесткие рамки аскриптивного кода как младший (зависимый и т.д.) и только так становится воспринимаем, терпим, допустим "сверху" (соответственно, этим задается и удерживается "верхняя" — доминирующая — позиция). Так возникает, формулируется и в дальнейшем воспроизводится метафора и тема конфликта отцов и детей* (герой ключевого для шестидесятников фильма М.Хуциева "Застава Ильича"/"Мне двадцать лет" такое определение ситуации не поддерживает: у него конфликт не с *отцом*, который погиб на фронте, а с *типом человека*, который воплощен большим начальником, — отцом героини). Объявленный, закрепленный в культуре авторитетом национального классика, ставший нормой самопонимания и в этом качестве воспроизводящийся зазор "между" поколениями скрывает ценностный раскол "внутри" едва ли не каждого из поколений — раскол на "отличников", "ботаников", "карьеристов" и "остальных", на "людей" ("настоящих людей") и "деловых" и пр. Иными словами, таким способом маскируется незаконность, ценностная непризнанность, неоправданность личного, индивидуального успеха в советской культуре**.

Но это значит, что и общей ценностной системы, ориентирующей на улучшение социального, культурного, человеческого качества, в обществе нет, как нет и соответствующей антропологии, а есть человек приспосабливающийся, выживающий, лукавый и пр. Происходит периодическое накопление нереализованного потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одно время, которое они тем не менее не могут назвать "своим". Авторитет старших при этом падает, временные дистанции "между" старшими и младшими как бы сокращаются, слипаются: им, можно сказать, нечего передавать друг другу, ни у одного из них, строго говоря, нет позитивного опыта социальности, социальной реализованности и признанности***. Отсюда структурное и функциональное значение "обломов", "обвалов" в русской и советской истории — резкого и *всеобщего* изменения, типа войн и революций (1905 год, Первая мировая, Октябрьская революция и Гражданская война, Вторая мировая и пр.). Поскольку общество "закрыто", не дифференцировано, продвижение в нем контролируется с предельной жесткостью, невзирая на объем "социального

* Напомню, что напряжение между полюсами метафоры, заданной тургеневским романом (опубл. 1862) и разворачивающейся в его сюжете, к концу романа сводится на нет: один из двух главных молодых героев нелепо погибает, а его друг и двойник пассивно адаптируется к ситуации. В исходной метафоре (см. рукописный эпиграф к роману, позже снятый) противопоставлялись "содержание без силы" у отцов и "сила без содержания" у детей. Наконец, укажу, что по крайней мере двумя ближайшими поколениями тогдашних молодых читателей, от Добролюбова до марксистских критиков, главный герой романа был принят резко полемически. В рамках сравнительно-исторической социологии культуры было бы перспективно сопоставить такие модели воображаемого жизненного пути молодого человека, как англо-немецкий роман воспитания, французский роман социального восхождения и классический "русский роман" юного героя "на рандеву" (с молодой героиней, читай — жизнь, Россией) и его неудачи; отдельные соображения об этом см.: Дубин Б. Сюжет поражения // Дубин Б. Слово — письмо — литература. С. 262–272.

** Во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов закрытые группы "своих", уклоняющиеся от публичного социального действия, демонстративно сторонящиеся успеха и признания, в порядке компенсаторного самоутверждения аттестовали (и воспевали) себя как "поколение дворников и сторожей".

*** Ср. настойчивую мысль М.Мамардашвили о незрелости, а потому внеисторичности русской и советской интеллигенции. Перед нами другая, нелюбимая ценностная транскрипция вечных характеристик россиянами себя как людей молодого общества, юной культуры, "страны-подростка" и т.п. См.: Мамардашвили М. Эстетика мышления. М., 2000. С. 47–48.

брака", то зачатки, стимулы движения в обществе принимают вид разрыва, раскола, либо осознаются таким образом, что и фиксируется в виде "проблемы поколения".

Во-первых, в ходе обвала и первое время после ("пока пыль не осела") открываются прежде закрытые или суженные возможности для достижения. Во-вторых, при этом так или иначе, пусть даже невольно, двигаются все, что снимает момент единоличного выбора, риска и пр. В-третьих, это позволяет включить механизм рутинных и **аскриптивных связей**, на которых держалась и держится повседневная жизнь (родственных, локальных, поколенческих). Используя эту возможность становятся еще на одно-два поколения ориентирами и эталонами для подражания или отторжения в более широких группах и слоях, пока не накопится новая критическая масса не реализованного человеческого материала.

Изменение от поколения к поколению в советском обществе — не во властной пирамиде! — есть, но 1) не в ключевых сферах; 2) скорее общесовициализационное; 3) идущее по типу диффузного просачивания, ненаправленного привыкания, а потому очень медленное. Между названными выше критическими точками общих переломов находятся пропущенные, потерянные, не реализовавшиеся поколения (всегда нагруженная в России метафорика безвременья, паузы и пр.). В этом, более широком контексте я склонен трактовать и известную метафору **опоязовцев** о том, что передача образцов происходит не от отцов к детям, а от дедов (или дядьев) к внукам (племянникам). Если понимать это соображение расширительно, тогда для старшего поколения это означает вольный или невольный уход от открытой состязательности ради более длительного удержания за собой уже имеющихся, доминантных жизненных позиций, включая карьерные. Для младших такой перенос значений авторитета и образца на фигуры, не актуальные в их реальной жизненной практике, в прямом социальном сравнении и соревновании, подразумевает — опять-таки вольно или невольно — непризнание и неприятие ответственности за то, что непосредственно им предшествовало и, вообще говоря, должно было оставаться для них так или иначе актуальным, в том числе неприятие исторической ответственности, ответственности за историю как *свое время* (такое сокращение времени своего существования до самых коротких дистанций чаще всего означает непонимание смысла прошлого как необходимой части опыта). Из сознания и тех и других групп история как проблема, как напряженная связь между настоящим и прошлым вытеснены; если она и может вернуться, быть сколько-нибудь значимой для тех и для других *вместе*, то разве что в форме официальной истории, идеологически-тенденциозной легенды власти.

Подобные стратегии прятания и ускользания от травматических конфликтов (в том числе от признания, принятия, осознания реальных напряжений и столкновений внутри и между поколениями) многократно затрудняют их систематическую рационализацию силами образованного сообщества, закрывают возможность институционализировать эту работу, а значит, и выработать некие средства для цивилизованного освоения подобных болезненных моментов другими, более широкими группами населения. Вместо этого власть в советской России ставила целью устранить такие и подобные им моменты, не допуская их в публичный обиход, попросту замалчивая и скрывая. Они выводились из сферы внимания и обсуждения, а вместо отсутствующих институтов рационализации названных проблем в обществе, казалось бы, вставшем на путь модернизации, индустриализации, ускоренного технологического развития и т.п., разрастались институты контроля за процессами возможной инновации, с одной стороны, формами признания и каналами репродукции любых образ-

цов — с другой. Монополизация и централизация подобного нормативного контроля не могла не приводить лишь к обострению описанных напряжений и конфликтов, включая их межпоколенческое и внутрисемейное отражение, к криминализации и варваризации общества, к принудительному ограничению сколько-нибудь самостоятельной и ответственной деятельности в культуре нелегитимными формами ("запретной полкой" для фильмов, сам- и тамиздатом, распространяемыми через межличностные связи "своих"), выталкиванием в эмиграцию и т.п.*

Поэтому культурная амнезия и безъязычие не только "массы", но кандидатов в "элиты" на протяжении советской истории периодически воспроизводится, включая нынешнюю ситуацию (память и язык — символы идентичности и законное достояние самостоятельных, активных групп; о косноязычии власти сейчас не говорю). Для действительно *общих* воспоминаний не существует, не создается и не остается другого языка, кроме рутинного героизирующе-официозного. Межпоколенческой передачи, трансляции, трансферта при этом, строго говоря, тоже нет, точнее, она идет в формах негативных, смещенных, неопознаваемых, о чем уже говорилось. Отсюда, например, ощущавшийся всеми слоями позднесоветского общества, когда драматический, а когда и комичный разрыв между языками номенклатуры ("пропаганды") — интеллигенции ("Литгазета", с одной стороны, "кухни" — с другой) и массы ("улицы"); но отсюда же и нынешняя глоссолалия, будь то в жизни, на улицах, будь то на телевидении или в словесности. Характерно, что сюжетообразующими в групповой легенде советской интеллигенции и в интеллигентской (внеофициальной) литературе выступают чаще всего два мотива или мотивных узла: затор и обвал нескольких поколений или даже "всего сразу"; символ и фигура беспамятуства, разрыва, негативно порождающего императивную задачу "сохранить и донести" образ прошлого, передать "наследие" и т.п.

Иначе говоря, в поколенческом языке, *языке поколения как проблемы "отцов и детей"* исследователи, как в искажающем зеркале, видят движение социального механизма, который, можно сказать, не предназначен для движения. Он не имеет для него соответствующих органов и приспособлений — например, независимых элит, самостоятельных институтов, различных по ценностям и целям, но имеющих друг друга в виду в качестве оформленных групп. Вероятно, поэтому вопрос о траектории и скорости подобного перемещения периодически возобновляется, что каждый раз отмечает его очередной новый поворот.

* Один из путей разгрузки, осознания такого рода конфликтов модернизации уже на ранних ее стадиях, а особенно рационализации последствий ее запаздывания и подстегивания, в том числе конфликтов, принимающих характер или вид межпоколенческих, был в более "открытых" обществах предложен, например, психологией и социальной психологией конца XIX в., в частности, З.Фрейдом и его школой, чьи идеи в первые десятилетия XX в. не случайно вызвали на Западе такой масштабный резонанс и массовый интерес. В частности, ключевая для модернизирующихся обществ проблематика социальной составляющей и ее неизбежные болезненные трансформации в структуре партикуляристских отношений семьи и родства получили при этом рационализированное выражение в символическом обозначении "эдипов комплекс" и системе соответствующих концептуальных разработок, терапевтических техник и т.п. Наш отечественный путь и здесь другой: перевести проблему на язык партикулярных отношений "отцы и дети", этим ее увековечив, а самые тяжелые, неприятные последствия нерешенного вытеснить в неофициальные сферы, в прямом смысле загнать в подполье: в дворовую субкультуру, перепоручив ее милиции, во "вторую культуру", передав ее под надзор соответствующего компетентного ведомства (локализованную группу удобнее контролировать и уничтожать), наконец, выдвигать за границу (по логике: "Вот пусть там они с вами и разбираются").